

КАРЫМСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ¹

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Представлена характеристика карымских памятников средней и северной тайги Западной Сибири, в том числе городищ, селищ, комплексов по производству и обработке железа. Отмечено различие карымских поселений Нижнего и Сургутского Приобья, их фортификаций и жилищ. Установлено своеобразие одного известного кольцевого городища южной тайги, оставленного общиной со смешанным составом населения, в том числе потомками северных карымских и южных саргатских групп.

Западная Сибирь, тайга, раннее средневековье, карымский этап, поселения, фортификации, жилища, производственные площадки.

Введение

В таежном Приобье сегодня известно более 80 пунктов с находками карымской керамики. Но собственно карымских поселений, укрепленных и неукрепленных, пока исследовано немного. Раскопки проводились также на четырех могильниках, один из которых расположен в центре тайги, остальные — в южно-таежной подзоне [Борзунов, Чемякин, 2013, рис. 1].

Поселения и фортификации²

Достоверных и предполагаемых карымских городищ — более двух десятков. Почти все они находятся в Сургутском Приобье: на Оби, Большом Югане, Большом Салыме и Соровских озерах. Два карымских укрепления обнаружены в бассейне Казыма в Нижнем Приобье, по одному — на р. Назым, правом притоке Оби, и на Ханты-Мансийских холмах близ слияния Иртыша и Оби. По два городища с карымскими слоями выявлены на оз. Домашний Сор в Нижнем Прииртышье и в бассейне Конды, одно — в Среднем Прииртышье (рис. 1). Карымские укрепленные поселения одноплощадочные, располагались на краях или в глубине коренных террас, реже — на мысах и мысовидных выступах. Фиксируемые на поверхности остатки оборонительных линий маломощные, представлены валом (шириной 1,0–4,0 м, высотой 0,15–0,70 м) и внешним рвом (шириной 1,0–2,5 м, глубиной 0,2–0,7 м). Перепад высот между рвами и валами обычно не превышал 1 м. На городище Евра 25 ров прослеживался с трех сторон поселенческой площадки. Внутренний вал высотой 0,4–1,0 м отмечен только с юго-восточной стороны городища. Раскопками установлено, что мощность насыпи на нем составляла не более 0,2 м. Никаких остатков оборонительных конструкций в ней не зафиксировано. Ров карымского времени на уровне погребенной дневной поверхности имел ширину 0,98–1,34 м, глубину 0,3–0,5 м.

Фортификации карымских городищ, как правило, замкнутые, подпрямоугольные со скругленными углами (Барсов городок II/6, 7, 9, 10, Кинтусовские 1.1, 2.1, 4.1, Соровское V, XVII и др.), реже — близкие кольцевым (Соровское XXXV), незамкнутые овальные (Евра 25) и дуговидные (Сартым-урий 18, Устье-Юган), а также короткие поперечные (Хора II). Мы допускаем, что строительство городища Сартым-урий 18 не было завершено. Остатки ряда незамкнутых прямоугольных систем у краев террас (Кислор III, Ермаково VIII) исследователи считали результатом разрушения замкнутых валов. Оговоримся, что данные валы, как и все песчаные насыпи, окружавшие таежные городища, не являлись самостоятельным элементом фортификаций. Они остались от крепи-обваловки бревенчатой однорядной оборонительной стены или забутовки стены двурядной. Судя по тому, что под валами карымских укреплений не обнаружено частокольных канав, защитные стены были, по-видимому, бревенчатыми, горизонтальной кладки. Карымские фортификации изучены крайне неудовлетворительно. Мысовое городище Каксинская Гора 4 на р. Казым — двухплощадочное: с напольной стороны оконтурено системой «вал — ров — вал» Г-образного плана, а его небольшая внутренняя часть у стрелки мыса за-

¹ Продолжение статьи: [Борзунов, Чемякин, 2013]. Здесь же приведен основной список источников для характеристики карымских памятников.

² Выражаем искреннюю признательность Н.В. Федоровой, К.Г. Карачарову, Г.А. Степановой, Л.М. Тереховой, А.В. Ермоленко, неизданные материалы раскопок которых с согласия этих исследователей были включены в нашу статью и ее иллюстративный ряд.

щищена такой же формы валом и напольным рвом. Возможно, что оборонительные линии этого укрепления перестраивались в более позднее время. Береговое городище Барсов городок II/7 с внешней стороны ограничивали два полукольцевых ровика с низкой насыпью между ними. На городищах Соровское V и XXXV отмечены следы бастионов — явный признак кулайского наследия. Два укрепления, открытые на оз. Домашний Сор, были возведены на невысоких (1,5 м) овальных холмах. Первое из них располагалось в глубине террасы (Танце-Мига), второе — на коренном мысу (Чебачье) При этом на первом поселении система обороны была замкнутая. На втором памятнике ров — кольцевой, а вал прослеживался только с напольной стороны [Морозов, Сосновкин, 1976, с. 94, рис. 1, 4; Морозов, 1994, с. 362, 366; Кардаш, А—1996; Чемякин, Карачаров, 1999, с. 42, рис. 14, 10; Ивасько и др., 2000, с. 40–46; Ермоленко, А—2002, 2003; Чемякин, 2003; 2008, с. 93, рис. 90, 91; Чемякин, Зыков, 2004, № 45–49; Каменский, Жирных, 2006а, с. 168; Яковлев, Кондрашев, 2006, с. 49–50]³. Многослойное Карымское I городище (Ус-Толт), давшее название карымскому типу памятников и карымскому этапу, находится на высоком останце овальной формы с крутыми склонами, расположенном между р. Харом-Я и ее притоком Вос-Кальтенг-Я. Низкий перешеек между речками перерезан двумя рвами, еще один ров выкопан вокруг останца [Чернецов, 1957, с. 138, 140]. Карымские городища имели от одного до трех входов. Их остатки выглядят в виде разрывов в линиях валов и рвов шириной 1,5–2,0 м. Первоначально входы, вероятно, закрывались воротами и не имели дополнительных укреплений.

Расстановка жилых построек на карымских городищах средней и северной тайги в основном плотная и линейная — в один (Кислор III) или два ряда либо кольцевая. В рядах выходы из домов были обращены на «улицу» (Барсов городок II/6, 9, 10, Кинтусовские 1.1, 2.1, 4.1, Соровское XVII (рис. 1, 1–3, 6). На Соровском XXXV городище одно жилище находилось в центре площадки, остальные — по кольцу вдоль вала (рис. 1, 8). На Соровском X городище постройки были расставлены полукольцом вдоль оборонительной системы; в центре поселка и у края террасы имелось свободное пространство (рис. 1, 5). На городище Сартым-урий 18 строения располагались у края террасы, довольно скученно, а широкая (8–10 м) полоса вдоль вала на территории укрепления оставалась относительно свободной (рис. 1, 12). Не исключено, что его строительство не было завершено. На селищах объекты размещались у края и в глубине берега, часто без видимого порядка, иногда — вокруг или неподалеку от укреплений, а также на мысовидных участках коренных террас. На селище Сартым-урий 16 стационарные жилища были сооружены вдоль береговой кромки, а их выходы обращены в противоположную сторону от протоки, в то время как временные жилые, хозяйственные и производственные постройки образовывали вторую линию. В одну линию у края террасы размещены объекты селищ Сартым-урий 17 и Хора I (рис. 1, 7, 11). Пять жилищ поселения Быстрый Кульёган 69 локализовались на миниатюрном треугольном мыске и были выстроены по овалу с небольшим свободным пространством в центре (рис. 1, 9).

Размеры городищ в Сургутском Приобье варьируются от 700 (Барсов городок II/7) до 3300 (Барсов городок II/6) и 3500 м² (Сартым-урий 18), а селищ — от 875 (Быстрый Кульёган 69) до 4000 м² (Сартым-урий 16). В Нижнем Приобье известные карымские памятники по площади не превышают 900 м² (поселение Нангакорка). Число построек на городищах и селищах в первом регионе варьируется от трех (Барсов городок II/7) до тринадцати (Барсов городок II/6) и более (Сартым-урий 16). Во втором регионе их, по-видимому, было от одной до четырех на каждом поселении. Многослойные городища бассейна Конды с карымскими слоями также небольшие: Карымское I — немногим более 550 м², Евра 25 — около 1000 м². На площадке последнего фиксируется шесть подпрямоугольных и две округлые жилищные впадины.

Оригинально южно-таежное карымское городище Усть-Тара 43, открытое в Среднем Прииртышье. Оно расположено в глубине террасы, в 50 м от р. Зимовная, окружено округлой замкнутой оборонительной системой, остатки которой представлены валом и внешним рвом. Со стороны реки фортификации прерываются в трех местах, образуя проходы на внутреннюю площадку. С противоположной стороны прослеживался окруженный рвом «бастион», имевший вид приподнятой площадки, выступавшей в напольную сторону от вала на 4 м. По сравнению с северными городищами, данное укрепление довольно внушительное — площадью более 17 500 м² (155×120 м). На территории городища выявлены остатки 58 жилых построек в виде приподня-

³ Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора, перед годом написания работы

Карымские поселения таежного Приобья

тых площадок. К укреплению примыкало селище из 87 подобных объектов. Раскопками установлено, что «бастион» в основании имел размеры 10×4 м, а его остатки возвышались над поверхностью на 0,4–0,5 м. Автор раскопок сопоставил его с предвратным сооружением белоярского городища Барсов городок I/1 [Михалев, 2008, с. 223–224]. На наш взгляд, такое сравнение не совсем удачно, особенно в плане изучения генезиса карымских оборонительных систем в южной тайге. Раскопанное Л.Л. Косинской укрепление Барсов городок I/1 — береговое, миниатюрное и в плане подквадратное [Чемякин, 1994, с. 279, рис. 16, 4; Борзунов, 2002, рис. 9, Б].

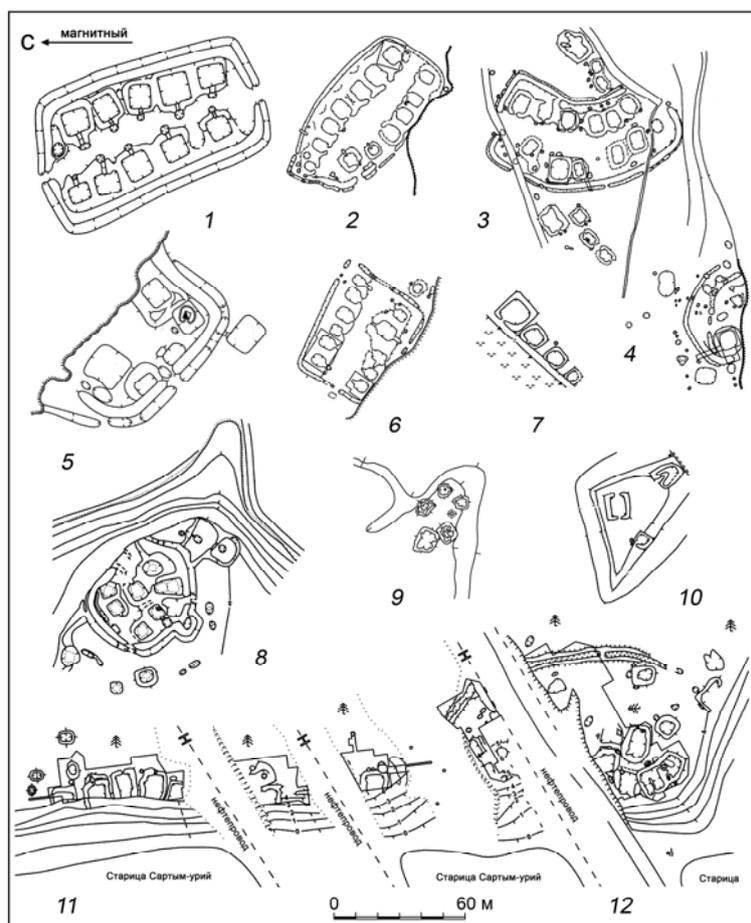

Рис. 1. Карымские поселения. Планы городищ и селищ:

1 — городище Соровское 17 (XVII); 2 — городище Барсов городок II/9; 3 — городище Барсов городок II/6 и селище Барсова гора II/3; 4 — городище Барсов городок II/7; 5 — городище Соровское 10 (X); 6 — городище Барсов городок II/10 и селище Барсова гора II/5; 7 — селище Хора I; 8 — городище Соровское 35 (XXXV); 9 — селище Быстрый Кульёган 69; 10 — селище Хора II; 11 — селище Сартым-урий 17; 12 — городище Сартым-урий 18; 1, 5, 8 — по К.Г. Карачарову; 2–4, 6, 11, 12 — по Ю.П. Чемякину; 7, 10 — по А.В. Ермоленко; 9 — по В.А. Борзунову

Исследования показывают, что укрепления с бастионно-башенными системами появились в западно-сибирской лесостепи в середине — второй половине I тыс. до н.э. (воробьевские, гороховские, саргатские городища) под влиянием среднеазиатского «градостроительства» [Стоянов, 1969, с. 56; 1989, с. 99; Борзунов, 2002, с. 94]. Впоследствии они были заимствованы кулайским населением, скорее всего, у гороховско-саргатского и саргатского. Обширные кольцевые фортификации, оптимальные для открытых местностей с равнинным рельефом, были распространены в энеолите и эпоху бронзы у степных скотоводческо-земледельческих племен Евразии [Массон и др., 1982, с. 166–231, 256, 259–260, табл. LXIX, LXXIX; Зданович, Генинг В.В., 1989; Генинг В.Ф. и др., 1992; Зданович, Батанина, 1995; Зданович, 2007]. Не позднее XIV в. до н.э. в евразийских степях они исчезли. В начале эпохи железа большие равнинные кольцевые укрепления появляются в лесостепном и южно-таежном Приобье (карагай-аульские, вак-куровские, баитовские, гороховские) [Сальников, 1940, 1947; Борзунов, 2002; Зимица, Зах, 2009], а затем —

в лесостепном Прииртышье (саргатские) [Погодин, 1997]. В лесном Зауралье и западно-сибирской тайге кольцевые городища встречаются крайне редко (иткульские Большегорское, Мурзинские I и II, иткульско-гороховское Коровяковское [Берс, А—1948; Кутаков, Лепкова, А—1963; Бельтикова, 1977, с. 126; 2002; 2005, с. 166—173], белоярское Барсов городок III/7 [Чемякин, 2008, рис. 46, 3], кулайское Кучиминское XV [Зыков, А—1983], Согомское II [Морозов, А—1991] и др.). Учитывая это, можно предположить, что обширная кольцевая фортификация с «бастионом» городища Усть-Тара 43 появилась под воздействием саргатского оборонного зодчества или же в результате синтеза лесостепных (саргатских) и таежных (кулайских) строительных традиций. В этой связи напомним, что поблизости от данного памятника, на левобережье Иртыша, открыты и исследованы обширные саргатские кольцевые городища с бастионными выступами — Батаково XIX и Старокарасук XXI [Погодин, 1997; Борзунов, 2002, с. 80, 90, 91]. На их территории помимо обычных жилищных впадин, характерных для лесостепи, прослеживаются типичные таежные приподнятые площадки. Что касается домостроительства жителей городища Усть-Тара 43, то оно явно северное — кулайско-карымское.

Жилища и хозяйственные объекты

Жилые объекты Барсовой Горы выглядят на поверхности как впадины с обваловкой или без нее, иногда с небольшим выступом-входом (рис. 1; 2; 3, 3, 4). В древности они представляли собой подпрямоугольные, слегка углубленные в грунт однокамерные наземные сооружения с выступавшим наружу крытым и наклонным выходом-тамбуром, примыкавшим к одной из торцевых стен. Размеры коридоров варьировались от 1,2×1,5 до 2,2×3,0 м. Котлованы жилищ прямоугольные, площадью 34–42 м², глубиной 0,2–0,3 м. Стены жилищ подсыпались снаружи песком. В центре каждой жилой постройки находился очаг в виде простого открытого кострища. На городище Барсов городок II/9 очаг был обложен камнями [Федорова и др., 1991, с. 133, рис. 2А, 2; Морозов, 1994, с. 362, 264, рис. 32, 1, 2; Чемякин, Зыков, 2004, с. 40–43]. У котлованов жилищ поселения Быстрый Кульёган 69 внешне фиксируются ниши и короткие выступы (входы?) [Погодин, А—1995, с. 76–77, рис. 118].

Две оригинальные карымские постройки раскопаны в Сургутском Приобье на селищах Кучиминское 1 (урочище Сайгатино, 30 км к западу от Сургута) и Сартым-урий 16 (бассейн Большого Югана). Отсутствие в помещениях очагов и остатков производства указывает на то, что это были, по-видимому, какие-то общественные или культовые сооружения. Остатки первого объекта на поверхности отмечались большим углублением (6,0×6,0 м). На верхних горизонтах оно сократилось до 5,0–6,0×4,76–4,9 м. На среднем и нижнем уровнях в его пределах обозначились два подпрямоугольных котлована, расположенных параллельно, в 0,3–1,0 м один от другого. Ориентировка их меридиональная, размеры 5,4×2,1 и 5,2×1,7 м. Общая глубина «подземной» части сооружения 0,35–0,45 м (рис. 3, 5а, 5б) [Степанова, А—1991, с. 33–35, рис. 52–55]. Аналогичный объект исследован на северной окраине селища Сартым-урий 16 (постройка 15). На верхних горизонтах он фиксировался в виде прямоугольного котлована размером 7,4–7,6×6,0 м, в нижней части котлован распался на две камеры — 7,0×1,4–1,6 и 6,8×1,7–1,8 м, ориентированные по оси СВ–ЮЗ. Общая глубина котлована постройки от древней поверхности — 0,5–0,8 м. Полы ровные, горизонтальные, в юго-восточной камере на 0,1 м глубже, чем в северо-западной. Ширина перемычки между камерами составляла 1,3–1,4 м, высота ее — 25–35 см. В камерах найдена карымская керамика, в северо-западной, чуть выше уровня пола, — железный наконечник стрелы, в юго-восточной — каменные оселок и шлифовальная плита, обломки камней без обработки [Чемякин, Борзунов, 2012, с. 292–295, ил. 3–5; 32, 5, 12, 15].

Жилища на Большом Югане — подчетыреугольные, близкие к квадратным, неуглубленные или слегка углубленные (от 20 до 40 см), площадью от 30 до 40 м², как исключение — до 50 м² (городище Сартым-урий 18, жилище 6), без четко выраженных на поверхности входов (рис. 1, 11, 12; 3, 1, 2). Последние, по-видимому, представляли собой специально оформленные проемы в стенах, закрывавшиеся приставными или откидными дверями. Наземная часть сооружений могла быть как каркасно-столбовой, пирамидальной или усеченно-пирамидальной формы, со слегка наклонными стенами, так и бревенчатой, с вертикальными самонесущими конструкциями, в том числе срубными. В первом случае основание стен устанавливалось за пределами углубленной части жилища, во втором — в котловане, у его стенок, либо также за его пределами. С внешней стороны каждый дом окружала песчаная завалинка. В центре построек находились открытые очаги-кострища, чаще один, реже — два.

Карымские поселения таежного Приобья

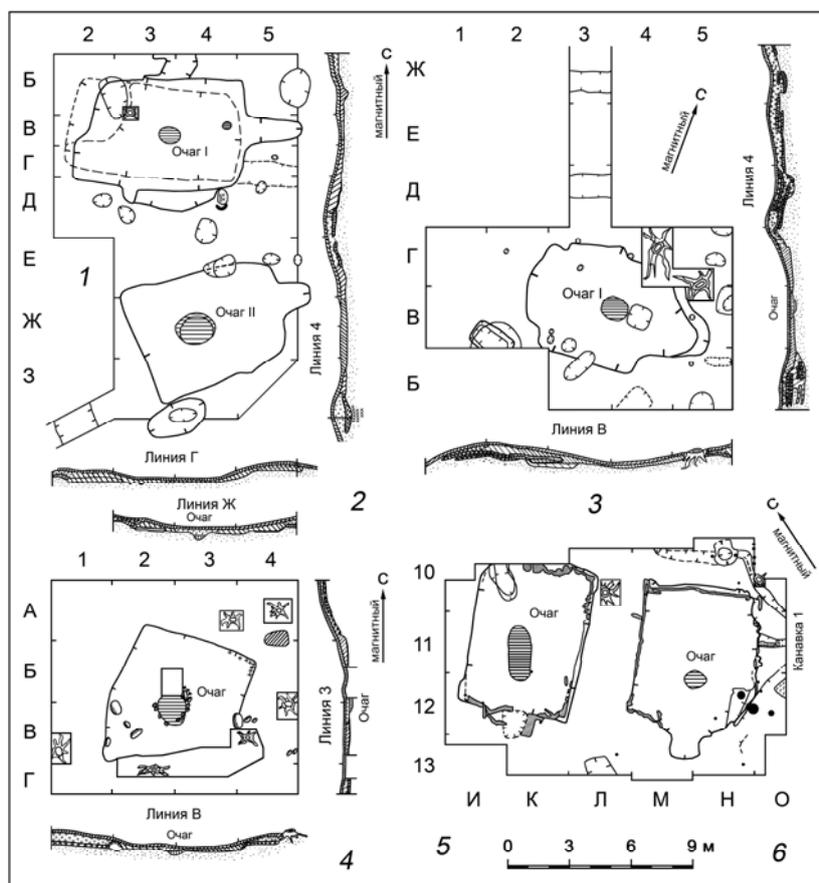

Рис. 2. Карымские постройки городищ Барсовой Горы. Планы жилищ:

- 1 — Барсов городок II/6, жилище 2; 2 — Барсов городок II/6, жилище 3; 3 — Барсов городок II/7, жилище 1;
 4 — Барсов городок II/9, жилище 1; 5 — Барсов городок II/10, жилище 6; 6 — Барсов городок II/10, жилище 7:
 1–4 — по Н.В. Федоровой; 5, 6 — по Г.А. Степановой

Помимо жилищ, сооружались хозяйственные постройки без очагов и летние площадки с кострищами под навесами. Постройки имели подпрямоугольную форму, размеры от 2,4×1,6–1,8 до 4,5×1,6 м и были углублены на 5–40 см. На селище Сартым-урий 17 недалеко от входа в жилище 2 была выявлена овальная хозяйственная яма подтрапециевидного сечения, размерами 140×110 см, глубиной 30 см. Она была заполнена коричнево-серо-желтой супесью («пестроцветом»), у дна переходившей в темно-бурый слой. Последний имел вид линзы (58×60×20–23 см), насыщенной сырыми костями и чешуей рыб. Яма могла служить своеобразным хранилищем для рыбы (местом ее консервации) или использоваться для кухонных отходов. Небольшие скопления рыбьей чешуи найдены на том же поселении в углах и под обваловкой стен жилища 1. Овальная в плане и параболоидная в профиле хозяйственная яма (105×72×25 см), заполненная в придонной части слоем спрессованной рыбьей чешуи мощностью до 6 см, обнаружена и на городище Барсов городок II/6 [Степанова, А–1989].

Жилища Нижнего Приобья сходны с объектами Барсовой Горы, но были меньше их. Постройки однокамерные, с чуть углубленными (до 0,20–0,25 м) подчетыреугольными котлованами площадью от 9 (Каксинская Гора 4) до 42 м² (Низямы 3). Средняя величина котлованов нижеобских жилищ около 19,2 м², Барсовой Горы — 39,5 м². Очаги в нижеобских постройках располагались в центре помещения либо у дальней от входа стены. Дома обогревались обычно одним очагом; в жилище 1 поселения Низямы 3 были два кострища, располагавшихся по длинной оси котлована. В раскопанных объектах поселения Перегрёбное (Перегрѣбное) 4 очагов не обнаружено: возможно, это были хозяйственные сооружения. По одному внешнему очагу около двух жилищ обнаружено и на городище Каксинская Гора 4 [Морозов, 1994, с. 364]. По данным

С.Ф. Кокшарова, карымское жилище поселения Ендырское VII — наземное, с едва углубленным прямоугольным котлованом, в центре которого находился большой подпрямоугольный очаг, вытянутый по оси помещения⁴. С торцевой стороны в постройку вел длинный коридор, сохранившийся в виде глубокой прямоугольной канавы. Очажный слой в нижнеобских и сургутских жилищах представлен буро-коричневой супесью толщиной от 6 до 25 см с включением углей, золы, обломков керамики, кальцинированных костей животных и рыб. Очаги овальные и подчетыреугольные, размерами от 1,3×0,7 до 2,5×1,5 м. Для производственных и хозяйственных нужд внутри и за пределами домов сооружались ямы.

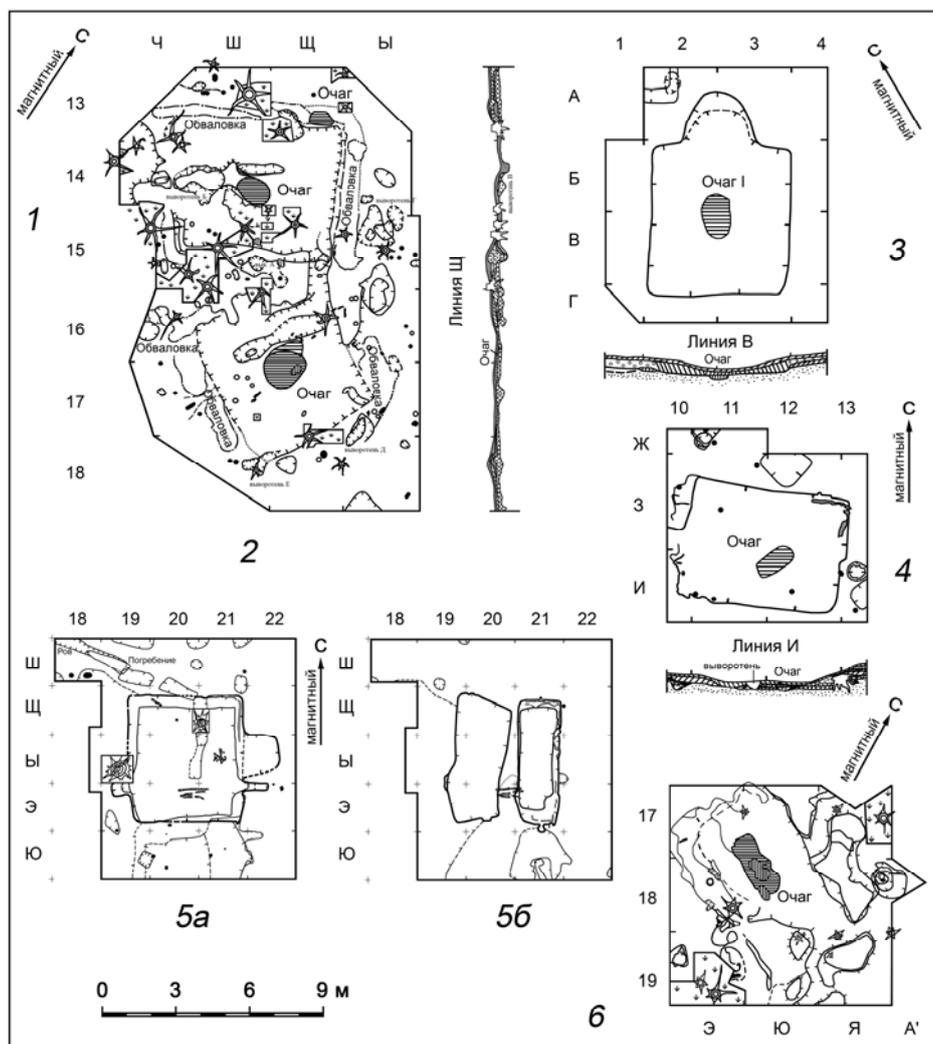

Рис. 3. Карымские постройки Барсовой Горы, Сайгатина и бассейна р. Большой Юган.

Планы жилищ (1–4, 6) и постройки (5):

1 — городище Сартым-урий 18, жилище 4; 2 — городище Сартым-урий 18, жилище 5; 3 — городище Барсов городок II/10, жилище 1; 4 — городище Барсов городок II/6, жилище 8; 5 — селище Кучиминское I, карымская постройка:

а — верхний уровень (-210–215 см); б — нижний уровень (-218–220 см):

1, 2, 6 — по Ю.П. Чемякину; 3 — по Н.В. Федоровой; 4, 5 — по Г.А. Степановой

Производственные объекты

Особую категорию производственных сооружений, появившихся как минимум в карымское время, представляли собой постройки для обработки железа, или кузни. Не исключено, что некоторые из них могли использоваться и для производства черного металла. Они обнаружены в

⁴ Авторы благодарны С.Ф. Кокшарову за предоставленную информацию.

Карымские поселения таежного Приобья

бассейнах Большого Югана (рис. 4), Малого Салыма и Конды. Кузня на городище Сартым-урий 18 была устроена в жилище 8. Сохранились следы небольшой печи с ошлакованным соплом и наковальня в виде большой гранитной плиты. Специализированная кузня раскопана на селище Сартым-урий 17. Она имела вид прямоугольной постройки размером 3,5×2,1 м, углубленной на 0,10–0,12 м. В ней находилась небольшая печь (горн), в которой сохранилось ошлакованное сопло [Чемякин, 2006, с. 207–213, рис. 1, 2; 2011а]. На северной окраине селища была выявлена яма, заполненная буро-серым песком с прослойками угля и пятнами ярко-оранжевого прокала, связанная, вероятно, с металлургическим комплексом. Ее сохранившаяся часть имела параболическую в плане форму, размер 0,62×0,35 м; глубину от уровня древней поверхности 0,7 м. В заполнении найдены куски шлака. Возможно, этот комплекс отражает выплавку железа на селище [Чемякин, Фефилова, 2007, с. 120].

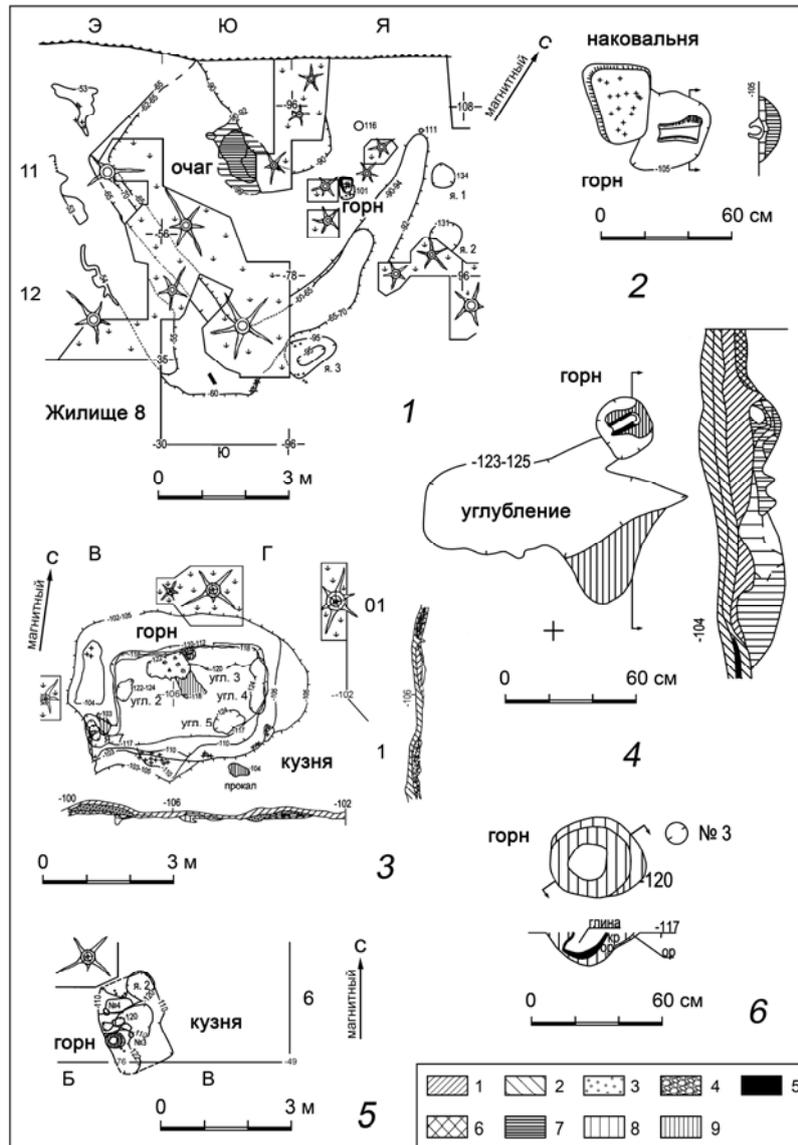

Рис. 4. Карымские производственные постройки (кузни) бассейна р. Большой Юган.

Планы построек и горнов:

- 1, 2 — городище Сартым-урий 18, кузня (жилище 8) и ее деталь — наковальня и остатки кузнечной печи; 3, 4 — селище Сартым-урий 17, кузня (постройка 10) и ее деталь — остатки кузнечной печи; 5, 6 — селище Сартым-урий 16, кузня 1 (постройка 17) и ее деталь — остатки кузнечной печи. Условные обозначения профилей: 1 — подзол; 2 — желтый, серо-желтый песок (культурный слой); 3 — желтый переложенный песок (обваловка); 4 — пестроцвет; 5 — углистый слой; 6 — погребенный подзол; 7 — очажный слой; 8 — оранжевый прокал; 9 — бурый прокал

Еще две кузны исследованы на соседнем селище Сартым-урий 16. Первая из них — слабо углубленная прямоугольная постройка размером 1,45×2,10 м, у западной стены которой находился горн. В северо-восточном углу кузны зафиксирована яма, содержащая железные шлаки и карымскую керамику, в придонной части заполненная углем. Пространство между горном и ямой с углем было насыщено окалиной, а производственные объекты сооружены у самых границ котлована. Вторая кузня также находилась в отдельном помещении, на удалении не менее 15 м от других построек и жилищ. Она подпрямоугольная, слегка углублена в грунт (3,1×2,2×0,05–0,1 м). Внутри кузны расчищены остатки двух горнов. При этом установлено, что второй горн был сооружен частично на месте разрушенного раннего. В нем расчищен развал сосуда [Чемякин, Борзунов, 2012, ил. 6–12]. Вокруг горнов выявлена линза бурого слоя, аналогичного очажному, насыщенная окалиной. По данным С.Е. Перевощикова, в таких горшках могла происходить плавка или науглероживание железа. Как известно, «реакция восстановления окиси железа начинается уже при температуре в 450–500°C, и наиболее простой способ получения железа в горшках может проводиться в обыкновенных кострах, очагах или ямах. Подобный способ получения железа отмечен на раннедьяковском поселении IX–VII вв. до н.э.» [Перевощиков, 2002, с. 23]. К остаткам футеровки и сводов горнов относятся куски глиняной обмазки и обожженной глины. Железные шлаки были обнаружены и за пределами кузен, в том числе в жилищах. Анализ расположения горнов во всех четырех кузнях показывает, что стены мастерских находились, по-видимому, на некотором удалении от краев неглубоких котлованов [Чемякин, 2006, с. 207–213; 2011б, с. 472, 476, ил. 7]. Следов самих стен не зафиксировано. Возможно, кузны функционировали в теплое время года и размещались в легких постройках либо под обычными навесами.

Основания двух углубленных горнов для варки железа из болотной руды были вскрыты в 2001 г. Г.П. Визгаловым во время аварийных раскопок на поселении Усть-Камчинское 2, расположенном на соседней р. Малый Салым. Их остатки располагались рядом с котлованом жилища 1 и имели вид овальных ям (№ 1, 2) размерами 0,93×0,84–0,96×0,23 и 1,8×1,44×0,27 м. В профиле они чашевидные с крутыми стенками и уплощенными днищами. На дне второй ямы прослеживалось еще одно углубление (0,85×0,67×0,07 м). В заполнении ям зафиксированы углистые и золистые слои, обломки глиняной посуды, кальцинированные косточки, железные шлаки, во второй яме — еще линзы прокалов. Фрагмент железной крицы обнаружен в самом жилище. Глинобитные купола горнов разрушились; их следы в виде бесформенных кусков глины, обожженных и ошлакованных с одной стороны, также найдены в ямах и рядом с ними. Горны, по-видимому, были тигельными: шихта закладывалась в горшки или другие емкости, которые устанавливались на дно плавильной камеры, где их обкладывали углем. Наличие в горнах обожженных костей свидетельствует об использовании в процессе выплавки руды кислого флюса. Воздух в топочную камеру нагнетался при помощи мехов — через глиняные сопла, вмозанные в стенки горнов. В местах установки воздуходувных устройств сохранились боковые каналы-канавки: одна короткая (0,25×0,17–0,64 м) и мелкая отходила от первой ямы, две длинные и более глубокие (1,0–1,02×0,72×0,15–0,17 м) — от второй. По керамике данные сооружения датированы VI в.: концом карымского — началом зеленогорского этапа [Пархимович, 2013].

В 2004 г. в бассейне Конды на городище Евра 25 Е.А. Жирных и С.Ю. Каменский вскрыли основания двух наземных железоделательных металлургических печей [Каменский, Жирных, 2006а, с. 168–173; 2006б]. Они были открыты в раскопе II, в культурном слое которого доминировала карымская керамика. Исследованные горны, видимо, представляли собой глинобитные сооружения цилиндрической формы с углубленным в материк основанием — донной частью (шлакоаккумулятором и металлоприемником). Стенки печей были сконструированы из обожженной глины с добавлением обломков керамики и костей животных. Основания обеих камер печей — подовальной формы, размерами 23×19 и 27×22 см; они находились в 30 см друг от друга. От наземной части горнов сохранились развалы стенок высотой 10 см, толщиной от 5 до 20 см. Над ними в беспорядке залежали куски обожженной глины. Сразу под дерном и до основания печей встречались куски шлака, спекшийся песок, угли и ошлакованная керамика.

Данный памятник входил в крупный рудно-металлургический район, открытый Н.М. Зиняковым в среднем течении Конды. Здесь было выявлено более 30 объектов, связанных с производством и обработкой железа. Исследованные металлургические площадки большей частью локализовались близ легкодоступных железорудных месторождений на размывах песчаных террас проточных кондинских озер (Сатыгинский, Ягодный и Леушинский туманы). Изученные

Карымские поселения таежного Приобья

сыродутные печи довольно стандартны. Раскопками зафиксированы только их нижние «подземные» части — шлакоаккумуляторы. Рабочая камера горна представляла собой ямку диаметром 20–25 см, глубиной 30–32 см, выстланную тонким (3–5 см) слоем угля, заполненную конгломератом сыродутного шлака вперемежку с углем. Над ямой была сооружена глинобитная «надземная шахта» высотой 65–70 см с толщиной стенок 1,5–2,0 см. Воздушное дутье осуществлялось на стыке шлакоаккумулятора и глиняной шахты. Для производства железа такие сооружения были пригодны только один раз. Затем они разбирались, перестраивались либо возводились заново на другом месте. Наряду с горнами, на тех же памятниках были зафиксированы кострища для выжигания древесного угля и обжига руды [Зиняков, 1997, с. 28–29].

В реконструкции Н.М. Зинякова смущает одно: слишком тонкие стенки наземной шахты (свода). Для сравнения: у горна на городище Евра 25 и иткульских зауральских домниц с остатками производства меди и железа (городища Красный Камень, Серный Ключ) глинобитные стенки в основании составляли в среднем 15–20 см. При этом в стенках некоторых иткульских горнов прекрасно сохранились «остовы» из неосушеных, заостренных и вертикально вкопанных березовых кольев [Борзунов, 1981, с. 112–118, рис. 1, б, в; 1998, с. 16–21]. Раскопанные Н.М. Зиняковым печи с углубленными в землю шлакоаккумуляторами (известные в специальной литературе как «свентокшижские») Е.А. Жирных и С.Ю. Каменский отнесли к первому типу горнов, а исследованные ими на городище Евра 25 надземные или слегка углубленные сооружения с толстым глиняным дном (футеровкой) и стенками — к третьему [Каменский, Жирных, 2006б, с. 140].

Собранная на кондинских производственных объектах керамика — ярсалинская, карымская, зеленогорская и «оронтуровская» (вернее, оронтурская, которая ныне определяется как вторая группа кучиминской посуды [Зыков, 2006, с. 111, 119]) — указывает на то, что данный металлургический центр функционировал на протяжении I — начала II тыс. н.э. Судя по опубликованным обломкам сосудов [Зиняков, 1997, рис. 3, 2–4, 6–9], к карымским или ярсалинско-карымским памятникам из этой группы как минимум можно отнести «металлургические рабочие площадки» Ирия II и Полуостров Дальний I.

Поблизости от этого района, в междуречье Лозьвы, Сосьвы и Пелыма, В.Д. Викторовой в начале 1960-х гг. исследован еще один металлургический комплекс [1999, с. 139]. Вместе с площадкой для изготовления костяных наконечников стрел он находился на одном из участков Туманского I поселения. О времени функционирования объекта свидетельствуют находки в нем обломков сосудов туманского типа (сходных с карымскими) с ошлакованной внутренней поверхностью, а также несколько туманских черепков под основанием печи. Печь глинобитная, в основании прямоугольная (0,6×0,4 м). Ее стенки сохранились на высоту 10 см. Плоское основание горна слегка наклонено и завершалось длинным и узким каналом (20×5 см), выходящим к округлой глиняной площадке диаметром 0,6 м. На последней лежали три куса железного шлака.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Берс Е.М. Отчет об археологических разведках в 1947 г. по р. Пышме от г. Свердловска до г. Тюмени. Свердловск, 1948 // Архив ИА РАН. Р-1, № 106.

Ермоленко А.В. Отчет о НИР: Археологические разведки в Октябрьском районе ХМАО Тюменской области летом 2002 г. Екатеринбург, 2002 // Архив Угор. науч. центра УрФУ.

Зыков А.П. Отчет об археологической разведке у деревни Сайгатино в Сургутском р-не Тюменской области летом 1982 года. Свердловск, 1983 // Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 384.

Кардаш О.В. Отчет о НИР: «Археологическое обследование профилей сейсморазведки в окрестностях озера Соровское, Восточно-Салымское месторождение, 1995 год». Нефтеюганск, 1996 // Архив НПО «Северная археология-1».

Кутаков Ю.М., Лепкова Н.И. Отчет об археологической разведке по р. Пышме в 1962 г. Свердловск, 1963 // ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 31.

Морозов В.М. Отчет о разведке археологических памятников у деревни Согом Ханты-Мансийского района Тюменской области летом 1991 г. и разведке на оз. Нумто Белоярского р-на. Екатеринбург, 1991 // ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 494.

Погодин А.А. Отчет об археологической разведке в Сургутском и Березовском районах Ханты-Мансийского автономного округа (в 1994 г.). Т. I: Отчет об археологических исследованиях в зоне Быстринского месторождения нефти в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа (в 1994 г.). Екатеринбург, 1995 // Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 565.

Степанова Г.А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных летом 1989 г. в Сургутском районе Тюменской области и Алапаевском районе Свердловской области. Екатеринбург, 1989 // Архив ИА РАН. Р-1, № 13726; Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 473.

Степанова Г.А. Отчет о стационарных полевых исследованиях памятников: городища Барсов городок II/10 и Кучиминского селища 1 Сургутского района Тюменской области в 1990 г. Екатеринбург, 1991 // Архив ИА РАН. Р-1, № 15288; Архив ПНИЛ ЦАИ УрФУ. Ф. II. Д. 486.

Литература

Бельтикова Г.В. Иткульские поселения // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1977. С. 119–133. (ВАУ; Вып. 14).

Бельтикова Г.В. Большегорское городище // Екатеринбург: Энцикл. Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 61–62.

Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири: (К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга). Екатеринбург: УрГУ, 2005. С. 162–186.

Борзунов В.А. Иткульско-гамаюнское городище Красный Камень // ВАУ. Свердловск: УрГУ, 1981. Вып. 15. С. 112–118.

Борзунов В.А. Исследования городища Серный Ключ на р. Уфе // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург: НИСО УрО РАН; Банк культурной информации, 1998. Ч. I. С. 16–21.

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: история изучения, хронология и территория распространения // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС РАН, 2013. № 1 (20). С. 34–46.

Викторова В.Д. Туманское I поселение, святилище и костыще // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. Вып. 3. С. 136–152.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологический памятник арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1992. Т. 1. 408 с.

Ермоленко А.В. Новые археологические памятники на р. Ендырь // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 284–285.

Зданович Г.Б. Аркаим — культурный комплекс эпохи средней бронзы Южного Зауралья // РА. 2007. № 2. С. 47–62.

Зданович Г.Б., Батанина И.М. «Страна городов» — укрепленные поселения эпохи бронзы XVIII–XVI вв. до н.э. на Южном Урале // Аркаим: Исследования, поиски, открытия. Челябинск: Каменный пояс, 1995. С. 54–62.

Зданович Г.Б., Генинг В.В. Оборонительные сооружения поселения Синташта // АО 1983. М.: Наука, 1989. С. 147–148.

Зимина О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зиняков Н.М. Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. 368 с.

Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 109–124.

Ивасько Л.В., Кардаш О.В., Суровень Д.А. Древняя история // Салымский край. Екатеринбург: Тезис, 2000. С. 33–70.

Каменский С.Ю., Журных Е.А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006а. Вып. 3. С. 168–178.

Каменский С.Ю., Журных Е.А. Средневековые железоделательные печи на территории Северо-Западной Сибири // II Сев. археол. конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006б. С. 139–140.

Массон В.М., Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М., Черныш Е.К. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. 360 с. (Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т.).

Михалев В.В. Городища с кольцевой системой обороны в Среднем Прииртышье (предварительное сообщение // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГПУ, 2008. С. 223–224.

Морозов В.М. Раннее средневековье. Поселения и жилища Зауралья, Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Томск: ТГУ, 1994. Кн. I. С. 342–373.

Морозов В.М., Сосновкин И.Н. Городища Среднего Тром-Агана // ВАП. Тюмень: ТюмГУ, 1976. Вып. 1. С. 89–106.

Пархимович С.Г. Поселение Усть-Камчинское 2 на реке Малый Салым: (К проблеме возникновения черной металлургии в Северо-Западной Сибири) // Древнее наследие Средней Оби. Екатеринбург: Магеллан, 2013. (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; Вып. 3).

Карымские поселения таежного Приобья

Первощиков С.Е. Железообрабатывающее производство населения Камско-Вятского междуречья в эпоху средневековья: (Технологический аспект). Ижевск, 2002. 176 с.

Погодин Л.И. Исследования в Омской области // АО 1996. М.: Наука, 1997. С. 344–345.

Сальников К.В. Три года работы на городище Чудаки // КСИИМК. М.: Наука, 1940. Вып. 5. С. 69–71.

Сальников К.В. Городище «Чудаки» Челябинской области: По раскопкам 1937 года // СА. 1947. Вып. 9. С. 221–238.

Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. М.: Наука, 1969. Вып. 119. С. 52–61.

Стоянов В.Е. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М.: Наука, 1989. С. 98–103.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1991. Вып. 20. С. 126–145.

Чемякин Ю.П. Поселения и постройки раннего железного века Сургутского и Нижнего Приобья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 1. Томск: ТГУ, 1994. С. 92, 275–296. Рис. 16–19.

Чемякин Ю.П. Городище Сартым-Урий XVIII: Предварительные итоги раскопок // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2003. Вып. 1. С. 38–76.

Чемякин Ю.П. Раннесредневековые кузницы на севере Западной Сибири // Производственные центры: Источники, «дороги», ареал распространения. СПб.: СПбГУ, 2006. С. 207–213.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. 224 с.

Чемякин Ю.П. Древнейшие кузницы в таежном Приобье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011а. Т. II. С. 110–111.

Чемякин Ю.П. Работы на селище Сартым-урий 16 в окрестностях Сургута // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2011б. Вып. 9. С. 467–481.

Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. Охранные раскопки селища Сартым-урий 16 в бассейне Большого Югана // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2012. Вып. 10. С. 291–339.

Чемякин Ю.П., Зыков А.П. Барсова Гора: Археологическая карта. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2004. 208 с.

Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.

Чемякин Ю.П., Федулова Т.Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях п. Угут Сургутского района ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2007. Вып. 5. С. 111–121.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.

Яковлев Я.А., Кондрашев А.Н. Первое обследование объектов историко-культурного наследия в бассейне р. Назыма // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006. Вып. 4. С. 38–82.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

victor.borzunov@usu.ru

yury-che@yandex.ru

The article gives a description of Karym sites from West Siberian middle and north taiga, including fortified and unfortified settlements, as well as metal industry and metal working complexes. The authors point to differences between Karym settlements from Low Ob basin and Surgut Ob basin, as well as between their fortifications and dwellings. Subject to discovery being originality of a famous circular fortified settlement from south taiga left by a community with mixed population, including descendants of north Karym and south Sargatka groups.

West Siberia, taiga, early Middle Ages, Karym stage, settlements, fortifications, dwellings, industrial sites.